

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской Академии наук

На правах рукописи

ФЕДОТОВА
Марина Анатольевна

**Творчество Дмитрия Ростовского:
Источниковедческое и историко-литературное исследование**

Специальность 10.01.01 – русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Санкт-Петербург
2022

Работа выполнена в Отделе древнерусской литературы ФГБУН Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Официальные оппоненты:

Калугин Василий Васильевич,

доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
Отдела лингвистического источниковедения и истории русского литературного
языка ФГБУН Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Панич Тамара Васильевна,

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Сектора
археографии и источниковедения ФГБУН Института истории СО РАН

Юхименко Елена Михайловна,

доктор филологических наук, главный научный сотрудник Отдела рукописей и
старопечатных книг ГБУК «Государственный исторический музей»

Ведущая организация:

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Защита состоится 30 июня 2022 г. на заседании диссертационного совета Д
002.208.01 при Институте русской литературы (Пушкинский дом) РАН по
адресу: 199034, г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на официальном сайте
Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН.

Автореферат диссертации разослан «___» _____ 2022 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук

Петрова Галина Валентиновна

Общая характеристика работы

Святитель Димитрий, митрополит Ростовский и Ярославский (1651–1709), – выдающаяся фигура в русской культуре кон. XVII – нач. XVIII в.: он был агиографом, летописцем, проповедником, гимнографом, поэтом и драматургом, автором богословских трактатов и исследований по историографии. Среди трудов Димитрия, безусловно, самое главное место занимают Четьи Минеи, или «Книга житий святых», над которой митрополит работал более двадцати лет (с 1684 по 1705 г.). Димитрий Ростовский в то же время был одним из самых ярких духовных писателей и проповедников культуры барокко, представителем латинской учености, схоластической риторики.

Популярности Димитрия Ростовского способствовало и признание его как прославленного русского святого; он был канонизирован в 1757 г. и стал первым святым Русской Православной церкви Синодального периода.

Свое церковное служение и творчество святитель Димитрий начал на Украине (и это был значительный период его жизни), а продолжил как русский архиерей (будучи сибирским, потом ростовским митрополитом), поэтому его деятельность была значимой и для Киевской митрополии, и для всей Русской церкви, а творчество было созвучно как киевской могилянской традиции, так и воззрениям церковно-интеллектуальной элиты России кон. XVII – нач. XVIII в.

Таким образом, масштабностью фигуры святителя Димитрия в значительной степени и определяется **актуальность** выбранной темы, ведь влияние ростовского митрополита на становление духовной жизни России Нового времени трудно переоценить.

Степень научной разработанности темы. Творчество Димитрия Ростовского уже почти три столетия привлекает внимание исследователей. Многие стороны его жизни и творчества освещены в научных трудах отечественных и зарубежных ученых, их изучению посвящена не одна сотня научных публикаций.

Богатое творческое наследие Дмитрия Ростовского диктовало широту и многообразие тем исследований. К работам общего характера, описывающим как биографию, так и творчество Дмитрия Ростовского, относятся труды А. В. Горского, Ф. И. Титова, М. И. Попова, И. А. Шляпкина. Особняком в этом ряду стоит монография И. А. Шляпкина,¹ главное достоинство которой заключается в привлечении богатого архивного материала, впервые введенного ученым в научный оборот.

В отдельную группу выделяются труды по истории русской культуры кон. XVII – нач. XVIII в.: творчество Дмитрия Ростовского характеризуется как творчество барочного литератора, «проводника западноевропейской культуры и латинской образованности»,² или «барочного полонофила», который «не мог понять традиционалистов».³

Однако основной корпус исследований – это работы по изучению отдельных сочинений Дмитрия Ростовского, отдельных аспектов его творчества: «Летописца о ростовских архиереях» (А. Е. Тарасов), «Келейного летописца» (Н. М. Дылевский, Дж. Беркофф, В. В. Калугин, Л. А. Янковская, А. В. Волков), псалм и стихов (А. Израилев, В. И. Крекотень, М. М. Сулима), драматических сочинений (Н. С. Тихонравов, Н. Д. Численко, Л. А. Софронова, Е. В. Жигулин, Н. Д. Голованова), богословских трактатов (протоиерей Павел Хондзинский, М. А. Корзо), в том числе «Розыска о раскольнической брынской вере» (С. А. Зеньковский, Е. М. Юхименко, Н. В. Поньрко, А. О. Крылов), проповедей (В. П. Зубов, М. Берндт), Четьих Миней (Д. И. Абрамович, А. А. Круминг, протоиерей Александр Державин, Д. Б. Терешкина). Исследования протоиерея Александра Державина, Л. А. Янковской, А. А. Круминга, направленные на изучение источников сочинений Дмитрия Ростовского, его творческого метода, имеют существенное значение для

¹ Шляпкин И. А. Св. Дмитрий Ростовский и его время (1651–1709). СПб., 1891.

² Сазонова Л. И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006. С. 45.

³ Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ // Панченко А. М. Русская история и культура. СПб., 2000. С. 218.

анализа творчества святителя в целом, а также для постановки и понимания тех проблем, которые рассматриваются в данной диссертации.

В диссертационном исследовании мы стремимся не к общей характеристике творчества Дмитрия Ростовского в контексте его церковной и культурной деятельности, а выбираем **предметом изучения** конкретные «сюжеты», представленные различными нарративными источниками, как основными произведениями его творчества, например, Четью Минеями, ораторской, автобиографической и эпистолярной прозой, так и малоизученными сочинениями; останавливаемся на аспектах творчества Дмитрия Ростовского, в недостаточной степени прокомментированных в научной литературе, и на неизвестных ранее сочинениях и архивных материалах, часть из которых впервые вводится в научный оборот, чем и определяется **новизна и актуальность** данного диссертационного исследования. Изучение творчества Дмитрия Ростовского **актуально** и для более глубокого понимания процессов литературного развития в переходный период от литературы древнерусской, литературы средневекового типа к литературе Нового времени.

Специфика исследования обусловила и выбор его материала. **Материалом** для исследования послужили рукописные книги (в том числе и рукописные сборники его келейной библиотеки) и печатные издания (сюда входят и собрания сочинений Дмитрия Ростовского), в составе которых читаются:

- автобиографические произведения («Диариуш» и входящая в «Летописец о ростовских архиереях» статья о Димитрии митрополите);
- эпистолярные тексты: письма и послания митрополита (большая часть из них адресована монаху Феологу);
- ораторские сочинения: проповеди и поучения святителя;
- книги: «Чуда пресвятой и преблагословенной Девы Марии», «Руно орошенное», «Апология во утоление печали человека, сущаго в беде, гонении и озлоблении», «Книга житий святых», или Четьи Минеи. Выбор этих книг

определяется их издательской историей – все четыре книги были прижизненными изданиями сочинений Дмитрия Ростовского.

Многие рукописи келейной библиотеки святителя имеют его автографы, что стало дополнительным **материалом** и аргументом в решении вопросов атрибуции ряда его произведений. В ряде разделов к анализу были привлечены и другие труды Дмитрия («Келейный летописец», «Розыск о раскольнической брынской вере», гимнографические сочинения), сохранившиеся в рукописях и печатных изданиях, а также сочинения иных представителей литературы барокко, современников Дмитрия Ростовского (Симеона Полоцкого, Иоанникия (Галятовского), Лазаря (Барановича), Антония (Радивиловского)).

Источниками исследования являются рукописные материалы и печатные издания, хранящиеся в настоящее время в отделах рукописей и редкой книги БАН, ГИМ, ГПНТБ СО РАН, НГОУНБ, НИОК (Национальной библиотеки Белоруссии), ОРКП НБ ТГУ, РГБ, РМЗ, РНБ, ЯМЗ, в Архиве СПБНИИ РАН, ГАЯО, РГАДА, РГИА, СПбФ АРАН, Древлехранилища ИРЛИ РАН, Института рукописей НБУВ (Украина). Всего к исследованию было привлечено около 350 рукописей и печатных изданий конца XVII – начала XX вв.

Диссертация преследует **цель** комплексного исследования указанных выше сочинений Дмитрия Ростовского, как конкретных памятников, так и корпусов текстов – ораторских произведений и житий русских святых в составе Четких Миней, описание которых представляет своего рода справочники и является основой для их издания, что обуславливает **практическую значимость** работы.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **основных задач**:

– на основании всей совокупности источников (на рукописных, печатных, архивных материалах) дать текстологическое и источниковедческое исследование автобиографической прозы Дмитрия Ростовского: «Диариуша» в двух его редакциях (Основной и Летописной), с подготовкой этих текстов к печати; автобиографической записи в «Летописце о ростовских архиереях» и

записей в составе сборника «Епистоляр»; проанализировать содержание этой прозы, время создания, характер взаимодействия с другими сочинениями автора, исторический контекст – связь с автобиографическими сочинениями кон. XVII – нач. XVIII в. и поздним украинским летописанием;

- рассмотреть вопрос о влиянии автобиографической прозы на агиографические памятники, посвященные Димитрию Ростовскому;

- изучить рукописную и печатную традицию писем и посланий Димитрия Ростовского, подготовить все известные нам письма к печати, уточнив атрибуцию, датировку, место написания;

- дать общую характеристику эпистолярия Димитрия Ростовского, а также представить историко-биографический комментарий к ряду писем и посланий, тем самым уточнив круг его корреспондентов, некоторые факты биографии как самого Димитрия, так и его адресатов;

- проанализировать эпистолярную прозу Димитрия как литературный факт, как явление риторической культуры кон. XVII – нач. XVIII в.;

- описать первые прижизненные издания сочинений Димитрия Ростовского: книги «Чуда пресвятой и преблагословенной Девы Марии» и «Руно орошенное», «Апология во утоление печали человека, сущаго в беде, гонении и озлоблении», проанализировать их источники, художественные особенности, уточнить атрибуцию, представить эти памятники в различных аспектах их бытования;

- выявить и описать рукописные материалы, сохранившие этапы работы Димитрия Ростовского над Четьми Минеями, а также сборники его келейной библиотеки, содержащие агиографические сочинения, выходящие за рамки свода, и рассмотреть наиболее значимые из них;

- определить и охарактеризовать корпус житий русских святых в Четьх Минеях Димитрия Ростовского, составить их каталог; на примере ряда житий (Жития преподобного Авраамия Смоленского, Жития преподобного Антония Римлянина, Жития благоверной равноапостольной княгини Ольги и Жития

благодарных князей-страстотерпцев Бориса и Глеба) выявить и описать источники житий русских святых, проанализировать метод работы с ними;

– изучить рукописную традицию проповедей Димитрия Ростовского, дать их общую характеристику; рассмотреть историю издания первого собрания проповедей и поучений митрополита;

– обосновать принципы атрибуции и датировки текстов проповедей, составить их каталог, представить новые, неизвестные ранее проповеди Димитрия Ростовского, охарактеризовать их содержание, художественные особенности, историю написания, подготовить тексты к печати.

Методологической базой диссертации являются труды отечественных и зарубежных ученых в области изучения средневековой литературы, использован системный подход: археографический, текстологический, источниковедческий в совокупности с биографическим и культурно-историческим. Основой для этого послужили важнейшие принципы анализа средневековых текстов, разработанные в трудах Д. С. Лихачева и А. М. Панченко, других ученых Петербургской текстологической школы, основным положением которой является не только максимально полное привлечение к исследованию списков того или иного произведения, но комплексное изучение текста и междисциплинарный подход.

Научно-практическая значимость работы. Материалы и результаты диссертационного исследования имеют значение как для филологов, так и для историков, работающих в области медиевистики, они также расширяют границы знаний о специфике литературного процесса «переходного» периода русской литературы. Выводы диссертации могут быть использованы в научных исследованиях, в академических, учебных, специальных курсах по истории древнерусской литературы и литературы XVIII в., при подготовке изданий сочинений Димитрия Ростовского – одного из выдающихся представителей этого периода.

Положения, выносимые на защиту:

1. Сочинения Дмитрия Ростовского, с одной стороны, еще ориентированы на средневековую литературную традицию, с другой – подчинены риторическим образцам эпохи барокко, культуры Раннего Нового времени, а отчасти его творчество отражало уже процессы развития литературы Нового времени.

2. Дмитрий Ростовский, будучи выходцем с Украины, являлся представителем киево-могилянской традиции, его творчество отражало черты западноевропейской культуры, влияние не только латиноязычных книг, но и латинских духовных практик; затем, находясь в России (будучи ростовским архиереем), в рамках русской духовной жизни у Дмитрия Ростовского появляется новое окружение, он ищет новые тексты, проявляя все больший интерес к великорусским святыням и святым.

3. В литературной практике Дмитрия Ростовского сложился его творческий метод – метод комбинирования, сознательного соединения источников, безусловно, связанный с компилятивным характером древнерусской книжности в целом, с одной стороны; и сравнения этих источников, их сопоставления и критики – с другой, что и отразилось в достаточно разработанной системе ссылок, вполне соотносимой с современной.

4. Творческий метод оттачивался на Четьих Минеях, наиболее ярко отразился в «Келейном летописце», но и ранние произведения митрополита – «Чуда пресвятой и преблагословенной Девы Марии» (1677 г.), «Руно орошенное» (1683 г.), «Апология во утоление печали человека, сущаго в беде, гонении и озлоблении» (1696 г.), обнаруживают его черты. История бытования этих, при жизни изданных книг митрополита вписывает их в парадигму как украинской, так и русской общественной жизни и культуры кон. XVII – нач. XVIII в.

5. При изучении сочинений Дмитрия Ростовского важно исследование обеих традиций – и рукописной, и печатной, и в этом еще одно отличие его творчества от средневековой литературы и близость к литературе Нового времени, авторской и печатной.

6. Автобиографическая проза Дмитрия Ростовского представлена автобиографической записью в «Летописце о ростовских архиереях» и «Диариушем»; это сочинения совершенно отличные друг от друга и по жанру, и по объему, и по своему функциональному назначению. При этом главным текстом автобиографической прозы остается «Диариуш».

7. «Диариуш» Дмитрия Ростовского сохранился в двух редакциях – Основной и Летописной; обе, вероятно, использовали памятные записи, которые делал митрополит и которые не сохранились. Основная редакция стоит в ряду литературных произведений автобиографического жанра XVII–XVIII вв., Летописная – передает общее направление украинской историографии XVII–XVIII вв., тенденцию включения фактов собственной биографии в летописное повествование, и, возможно, отражает замысел святителя написать гражданскую историю и историю своего времени, который уступил место другому труду митрополита – «Келейному летописцу». Обе редакции в большей степени отражают события украинской жизни митрополита, ростовский период продолжен в записях на страницах «Епистоляра».

8. Епистолярный Дмитрий Ростовского представлен 80-ю письмами различным адресатам (от патриархов до учеников Ростовской школы), сохранившимися в списках (в том числе в автографах и авторизованных рукописях) и печатных изданиях. Типология этих писем различна: от «листовых» благодарственных посланий до интеллектуальных бесед и нравоучительных писем иереям, подобных апостольским посланиям. Большая часть переписки – письма монаху Чудова монастыря Феологу. Эта переписка – исключительное явление в епистолярной культуре рубежа XVII–XVIII вв. Переписка, как и библиотека Дмитрия, свидетельствуют о нем не только как о библиofile, но и как о книжнике, который собирал книги, формировал библиотеку как творческую лабораторию, именно для работы над своими сочинениями.

9. Автобиографическая проза и епистолярный послужили источником для житийных памятников, посвященных святителю Дмитрию: «Диариуш» в его

Основной редакции и сборник «Епистоляр» стали источниками для Синодального жития Димитрия Ростовского, а статья о самом себе в «Летописце о ростовских архиереях» послужила основой Записки о житии Димитрия. В свою очередь, Житие святителя было распространено в большом количестве списков и печатных изданий, и многие факты его биографии (уже посредством Жития) стали доступны не только исследователям, но и читателям.

10. Первые произведения Димитрия Ростовского, изданные при его жизни, были анонимными, и проблема атрибуции сочинений митрополита – одна из особенно актуальных при изучении его творчества, в том числе и в отношении проповедей святителя – одного из самых больших пластов его творческого наследия. Не все опубликованные проповеди, а также проповеди, приписанные Димитрию Ростовскому в рукописях, принадлежат его перу, среди них есть слова Стефана Яворского, Симеона Полоцкого. Рукописная традиция позволяет определить время и место создания его сочинений, а значит, уточнить факты биографии святителя, исправить атрибуционные ошибки, но самое главное обнаружить новые, еще не введенные в научный оборот сочинения Димитрия Ростовского (среди них проповеди, посвященные русским святым) и ввести их как в контекст его творчества, так и в культурно-исторический контекст эпохи.

11. Внимание к русским подвижникам церкви затронуло не только ораторский жанр: будучи ростовским архиереем, Димитрий Ростовский большое внимание уделил поиску житий русских святых. Об этом свидетельствует переписка митрополита, работа над месяцесловом (сохранившимся в рукописи РГАДА, ф. 381, № 420), обнаруженные списки житий русских святых в рукописях из его келейной библиотеки – факты, которые необходимо учитывать при изучении Четьх Миней (или «Книги житий святых») Димитрия Ростовского.

12. Работа над житиями русских святых осуществлялась в контексте общей работы над «Книгой житий святых»: поиск, осмысление, обработка и

«обогащение» различных источников приводило к созданию Димитрием Ростовским новых оригинальных агиографических текстов, как включенных, так и не вошедших в состав Четьих Миней.

Апробация работы. Основные положения работы были изложены в докладах на *международных* научных конференциях, таких как: «Мазепа и его последователи» (Гардо, май 2002 г.), «Книжное наследие Соловецкого монастыря XV–XVII вв.» (Соловки, сентябрь 2005 г.), семинар «Богородичный текст в культуре» (С.-Петербург, сентябрь 2009 г.), «Россия в многополярном мире: Образ России в Болгарии, образ Болгарии в России» (С.-Петербург, октябрь 2009 г.), «Псков, русские земли и Восточная Европа в XV–XVI вв. К 500-летию вхождения Пскова в состав единого Русского государства» (Псков, май 2010 г.), «Литература в меняющемся мире» (Ереван, октябрь 2010 г.), «Украинская культура в постсоветском пространстве: традиции прошлого и настоящего» (Пекин, октябрь 2016 г.), научные чтения памяти Вадима Эразмовича Вацура (К 85-летию со дня рождения) (С.-Петербург, ноябрь–декабрь 2020 г.), научный семинар-школа «Источниковедение древнерусской литературы и языка (археография, текстология, поэтика)» (Новосибирск, октябрь–ноябрь 2021 г.), конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси» (Москва, сентябрь 2001 г. и октябрь 2007 г.), конференции, организованные Ростовским Спасо-Яковлевским монастырем и Ростовским музеем-заповедником «Ростовский кремль» (Ростов, май 2007 г. и май 2009 г.), XXXVII, XL и XLIX филологические конференции Санкт-Петербургского университета (С.-Петербург, март 2008 г., май 2011 г., ноябрь 2020 г.), Лихачевские чтения – «Актуальные вопросы изучения славяно-русской агиографии (Четвертые Лихачевские чтения)» (С.-Петербург, ноябрь 2011 г.), «Русская культура: история и экология (Пятые Лихачевские чтения)» (Ясная Поляна, сентябрь–октябрь 2016 г.), «Петербургская текстологическая школа: традиции и развитие (Шестые Лихачевские чтения)» (С.-Петербург, сентябрь–октябрь, 2021 г.), конференции Представительства Университета Осло в Санкт-Петербурге – «Слово в пространстве и времени» (С.-Петербург, апрель 2013 г.),

«Симеон Метафраст и славянская агиография» (С.-Петербург, май 2014 г.), выездные чтения Отдела древнерусской литературы ИРЛИ РАН (Ростов, май–июнь 2010 г., Чернигов, октябрь 2013 г., Смоленск, сентябрь 2020 г.); а также на *российских* научных конференциях: IV Всероссийская научная конференция «Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии» (ноябрь 2020 г.), конференции ИРЛИ РАН (С.-Петербург) – XXXI (май 2007 г.), XXXII (май 2008 г.), XXXVIII (май 2014 г.) Малышевские чтения, «Десятые Загребинские чтения» (октябрь 2015 г.), «Шестой агиографический семинар» (декабрь 2017 г.) и «Седьмой агиографический семинар» (декабрь 2018); выездные чтения Отдела древнерусской литературы ИРЛИ РАН (Ярославль, сентябрь 2006 и сентябрь 2014 г., Ферапонтово – Кирилло-Белозерск, май 2009 г., Ясная Поляна, май 2012 г.), конференции БАН и РНБ – конференция, посвященная чествованию И. Н. Лебедевой, Н. Ю. Бубнова, Е. А. Савельевой (БАН, июнь 2012 г.), «XXIV научные чтения “Книжные редкости Российской национальной библиотеки”» (РНБ, май 2014 г.), «Автобиографические записки, дневники и мемуары в рукописной традиции XVII – нач. XX века» (ноябрь 2020 г.).

Структура диссертации. Диссертация состоит из Введения, четырех глав, Заключения, списка литературы, в том числе списка использованных рукописей и печатных изданий, списка сокращений и списка иллюстраций, и приложений. Приложения, оформленные отдельным томом, соотносятся с главами диссертации, иллюстрируя их содержание.

Основное содержание работы

Во **Введении** рассмотрена историография вопроса, дано обоснование темы диссертации, определены цели, задачи, предмет исследования, а также круг источников и методологическая база, показана научная новизна, актуальность и практическая значимость диссертации.

Глава 1 «Автобиографическая проза Дмитрия Ростовского»

посвящена текстологическому и источниковедческому анализу двух текстов: автобиографической записи в таком сочинении Дмитрия Ростовского, как «Летописец о ростовских архиереях», и «Диариушу», или дневнику святителя Дмитрия, который был продолжен в «Епистоляре», сборнике писем митрополита. Главным сочинением автобиографической прозы, безусловно, является «Диариуш», сохранившийся в двух редакциях – Основной и Летописной. Если Основная редакция «Диариуша» соотносится с литературными произведениями автобиографического жанра XVII–XVIII вв., утвердившегося и распространенного прежде всего в украинской и белорусской культурах, как в светских, так и в церковных кругах, то Летописная редакция «Диариуша» близка кругу памятников позднего украинского летописания (см.: **1.1. Общие замечания**).

Главный список Основной редакции «Диариуша», кодикологическое и текстологическое исследование которого представлено в диссертации (**1.2. «Диариуш» Дмитрия Ростовского. Основная редакция**), сохранился в рукописи РНБ, Q.IV.186, введенной в научный оборот В. С. Белоненко и Г. П. Ениным;⁴ он датируется втор. пол. XVIII в., написан на простой мове, русском, польском и латинском языках. Список выполнен с оригинала «Диариуша» Дмитрия, обнаруженного Н. Н. Бантыш-Каменским, который перевел весь текст, и этот перевод был опубликован в 1774 г. в «Древней российской вивлиофике» Н. И. Новиковым и долгое время оставался единственным источником по изучению автобиографической прозы Дмитрия Ростовского.⁵ Оригинал оказался утерянным. В рукописи Q.IV.186 неизвестным книжником была сделана новая попытка перевести части текста «Диариуша», написанные на латинском и польском языках. К сожалению, перевод не был

⁴ Белоненко В. С., Енин Г. П. «Диариуш» Дмитрия Ростовского // Исследование памятников письменной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг: Воспоминания и дневники: сб. науч. тр. Л., 1987. С. 7–21.

⁵ Древняя российская вивлиофика, или Собрание древностей российских, до российской истории, географии и генеалогии касающихся, издаваемая ежемесячно Николаем Новиковым. СПб., 1774. Ч. VI. С. 315–408.

закончен, но он отличается от перевода Н. Н. Бантыш-Каменского, с которым новый переводчик не был знаком. Сопоставление издания «Диариуша» и его списка в рукописи Q.I.186 указывает на ряд разночтений. Перевод, выполненный Н. Н. Бантыш-Каменским, хотя и достаточно полный, но, судя по имеющимся разночтениям, не всегда корректный, а переводчик был недостаточно внимательным: имеются пропуски, перестановки событий под одним и тем же годом. Время начала работы над «Диариушем» – 1681 г. Описание жизни Димитрия начинается с 1651 г. (года рождения святителя), последняя запись сделана под 1703 г. (указана смерть отца); содержание записей различно: от кратких сведений, указывающих на переезд автора из одной обители в другую, или записей, фиксирующих смерть монахов и архимандритов того или иного монастыря, до писем и посланий, или подробного описания видений – святого мученика Ореста Тианского, великомученицы Варвары, или панегирика, написанного на смерть матери, или лапидарного, но эмоционального изображения дворцового переворота – свержения царицы Софьи и воцарения Петра I.

Особенностью как рукописи Q.IV.186, так и издания является отсутствие записей под 1687 г. В данном случае речь идет не о «пустом» годе, а об утрате листа. В диссертационном исследовании предлагается объяснение этому факту. Согласно гипотезе, обоснованной в диссертации, под 1687 г. в Основной редакции «Диариуша» сообщалось об избрании на гетманство Ивана Мазепы (в Летописной редакции об этом событии есть краткая запись). Кроме того, поскольку записи под следующими годами, 1688 и 1689-м, едва ли не самые пространственные во всем тексте «Диариуша», то, возможно, и события 1687 г. были описаны очень тщательно. Совершенно очевидно, что факт избрания Ивана Мазепы на гетманство Димитрий Ростовский не мог обойти стороной, так как «Диариуш» создавался еще до предательства Мазепы, и у Димитрия не было причин не отметить это важное событие: будущий ростовский митрополит и гетман Иван Мазепа, можно предположить, имели друг к другу самое дружеское расположение. Это может быть подтверждено многими фактами:

например, санкционированный гетманом Мазепой в 1691 г. перенос частицы мощей великомученицы Варвары из казенной палаты гетмана в Батуринский Свято-Николаевский Крупицкий монастырь, где Димитрий Ростовский был игуменом; приглашение Димитрия сопровождать делегацию Мазепы в Москву в июле 1689 г. (посольство было связано со спором о времени пресуществления Святых Даров); покупка на «кошт» Мазепы издания «Acta sanctorum» болландистов, которое стало одним из основных источников при написании Четых Миней; в свою очередь, в издание «Руна орошенного» 1696 г. святитель поместил пространный панегирик гетману, и т. д. Таким образом, по нашему мнению, Димитрий Ростовский не мог обойти стороной известие об избрании в 1687 г. на гетманство Ивана Мазепы. Вполне вероятно, что, кроме обычной фиксации события, он мог написать здесь небольшой панегирик Мазепе, и в свете последующих событий – предательства Ивана Мазепы в 1708 г. – этот текст исчез не случайно, а был осознанно кем-то изъят, возможно, самим Димитрием Ростовским. После событий 1708 г. было принято вычеркивать или вычищать имя Мазепы из посвященного ему литературного наследия: Мазепа, как известно, подвергся анафеме, а произведения, написанные ранее в его честь, сохранились со следами цензуры.

Вторая (Летописная) редакция «Диариуша» Димитрия Ростовского (**1.3. «Диариуш» Димитрия Ростовского. Летописная редакция**) сохранилась в единственном списке в рукописи собрания Киево-Печерской лавры (НБУВ РИ, ф. 306 (КПЛ), № 345). Рукопись, в состав которой входит Летописная редакция, датируется самим митрополитом 1693 годом.

Основная и Летописная редакции «Диариуша» имеют значительные отличия, прежде всего, по объему: Летописная редакция намного меньше. В Основной редакции читаются статьи только автобиографического характера, помимо дневниковых записей, в нее входят письма, грамоты, адресованные святителю Димитрию, авторские видения; в Летописной редакции автобиографический материал сокращен, но имеются записи под теми годами, которые в Основной редакции остались «пустыми», и касаются они не

биографии автора, а украинской истории. Ряд чтений в Летописной редакции, конечно, совпадает с чтениями Основной редакции под теми же годами, но многие чтения сокращены, что говорит о зависимости Летописной редакции от Основной, о стремлении приспособить обширный материал к летописной форме. В Основной редакции события оканчиваются 1703 г.; в Летописной – записи, сделанные рукой Дмитрия Ростовского, доведены до 1708 г.

События, происшедшие в украинский период жизни Дмитрия, в обеих редакциях, освещены гораздо полнее, чем московские и ростовские, и в обеих редакциях под этими, последними, годами почти нет разночтений, они писались «по горячим следам». Учитывая столь большую разницу, можно предположить, что автор, когда он описывал жизнь на Украине, пользовался памятными записями, причем для обеих редакций, особенно это касается событий до 1681 г. – года начала работы Дмитрия над Основной редакцией «Диариуша». Далее записи делались не только на базе памятных записок, они могли быть современны событиям, и после 1693 г. (даты начала работы над рукописью с Летописной редакцией) обе редакции пишутся параллельно: иногда полнота записей меняется местами – в Основной редакции есть записи более краткие и схематичные, чем в Летописной, а в последней появляются подробности нелетописного характера. В связи с этим представляется неверным утверждение В. С. Белоненко о написании Летописной редакции между 14 августа и 8 ноября 1708 г., в заключительный период работы над «Келейным летописцем». На несостоятельность этого положения указывает начало Летописной редакции, где Дмитрий называет себя «грешным иеромонахом» – такое начало характерно для украинского периода творчества. Так святитель Дмитрий подписывал свои личные книги, приобретенные во время жизни на Украине, или свои труды, написанные им в этот период. В самой рукописи с Летописной редакцией «Диариуша» имеется материал, относящийся не только к «Келейному летописцу», но встречается немало вставок, свидетельствующих о работе Дмитрия Ростовского над «Книгой житий святых». Анализ рукописи показывает, что вставки вносились и в сам

текст Летописной редакции. Особенно интересна вклейка под 1707 г., показывающая, что замысел Дмитрия Ростовского написать гражданскую историю и историю своего времени (а именно – украинский летописец), а также свою биография (в совокупности с элементами «родовой» летописи) был заменен на сочинение и комментарий к библейской истории, осуществленный Дмитрием Ростовским в «Келейном летописце».

Наличие кратких украинских летописцев, принадлежащих другим деятелям украинской элиты – Варлааму Ясинскому и Иоасафу Кроковскому – и привлеченных в работу для сопоставления, в комплексе со списками летописцев Дмитрия Ростовского показывает, что все эти летописцы отражают общее направление украинской историографии XVII–XVIII вв. – тенденцию включения фактов собственной биографии в летописное повествование.

Попытка продолжить дневниковые записи, но только уже не в составе летописи, а между письмами митрополита, нашла свое выражение в сборнике другой жанровой природы – «Епистоляре архиерея Ростовского Дмитрия» (ГИМ, Синодальное собр., № 81), что наложило отпечаток и на содержание этих записей (см. **1.4. Биографические записи в составе «Епистоляра» Дмитрия Ростовского**). Исторические события, за редким исключением, в них почти не отражены, основные сведения – это записи о жизни и служении Дмитрия в Москве и Ростове, но эти известия были крайне важны при написании Жития святителя Дмитрия, составлении его биографии и описании творчества.

«Диариуш» и «Епистоляр», опубликованные в «Древней российской вивлиофике», были доступны автору Синодального жития святого Дмитрия Ростовского, которым, возможно, был Я. А. Татищев. Как показано в диссертации (**1.5. «Диариуш» как источник Жития Дмитрия Ростовского**), именно эти тексты стали основным источником для Синодального жития.

Еще одним автобиографическим текстом является запись в «Летописце о ростовских архиереях» (**1.6. Автобиографическая запись Дмитрия**

Ростовского в «Летописце о ростовских архиереях»). В «Летописце», написанном святителем в ростовский период, даются краткие сведения о всех архиереях, занимавших ростовскую кафедру до Димитрия. Последняя запись – биографическая заметка, сделанная митрополитом о самом себе как об одном из ростовских владык; главный ее акцент – сообщение о завершении работы над Четьими Минеями. Самый ранний список «Летописца» входит в состав авторизованной рукописи митрополита (ГИМ, Синодальное собр., № 147). Работу над памятником в течение почти двух веков продолжили другие книжники, внесшие в запись о Димитрии различные дополнения, обогатив ее сведениями о написанных ростовским митрополитом сочинениях, элементами житийного повествования, фактами об открытии мощей и чудотворениях. Один из вариантов жизнеописания Димитрия имеется в «Летописце» в редакции суздальского священника Анании Федорова, сохранившемся в единственном списке (РНБ, собр., А. А. Титова, № 3641) **(1.7. Запись о Димитрии Ростовском в «Летописце о ростовских архиереях» в редакции Анании Федорова).** По сравнению с сокращенными «биографиями» других ростовских архиереев, сведения о Димитрии Ростовском в этом «Летописце» достаточно обширны. Данный вариант текста, как показано в разделе **1.8. (Записка о житии Димитрия Ростовского),** был известен не только Анании Федорову, но и архиепископу Амвросию Переславскому, который отправил его в качестве Жития Димитрия Ростовского в Святейший синод. Так как данный текст достаточно краткий, правильнее называть его Запиской о житии Димитрия Ростовского. Совершенно очевидно, что этот текст был близок к особому варианту жизнеописания Димитрия, где среди сочинений Димитрия обозначена не только «Книга житий святых», но названы и другие труды, причем и в Записке о житии, и в списке Анании Федорова их заглавия приведены в соответствие с авторскими названиями. Важными дополнениями этого текста являются два «украинских» факта: 1) Димитрий был хиротонисан на Сибирскую митрополию, будучи архимандритом Новгород-Северского монастыря; 2) написал книгу «Руно орошенное», которая была издана в

Чернигове в 1683 г. Записка о житии Дмитрия Ростовского дает еще мало информации о святителе, но имеет две отличительные черты. Во-первых, ее источником была автобиографическая запись, а во-вторых, почти все ее списки уже имеют в заглавии жанровое определение — житие, и, таким образом, она является первым агиографическим сочинением, посвященным Дмитрию Ростовскому.

Глава 2 (Эпистолярная проза Дмитрия Ростовского) представляет собой комплексное исследование эпистолярного наследия святителя Дмитрия. В научный оборот вводятся новые, до сих пор не опубликованные и не изученные тексты его писем и посланий, изучается их рукописная и печатная традиция, уточняется датировка, место написания, дается историко-биографический комментарий, устанавливается круг его корреспондентов. Эпистолярный Дмитрий Ростовского проанализирован как самобытное явление литературного процесса кон. XVII – нач. XVIII в.: Дмитрий был писателем Петровской эпохи, наметившей переход к литературе Нового времени, в связи с чем его эпистолярное наследие может быть соотнесено с эпистолярием писателей Нового времени и охарактеризовано как литературное явление, находящееся на стыке частной жизни и творчества.

В параграфе **2.1. Общие замечания** показано, что письма митрополита долгое время использовались фрагментарно, в основном, для определения времени создания сочинений Дмитрия, а также для уточнения фактов его биографии. Однако «фрагментарный» подход недостаточен, только изучение полного корпуса писем митрополита дает нам целостное представление о его сохранившемся эпистолярном наследии. Письма Дмитрия Ростовского, как показано в диссертации, дошли до нас не полностью, хотя в настоящее время известно около 80-ти его писем. Эти тексты и являются объектом рассмотрения в данной главе.

Большую часть из сохранившегося эпистолярного наследия Дмитрия (40 писем) составляет его переписка с монахом Чудова монастыря Феологом (2.2. **Переписка Дмитрия Ростовского с монахом Феологом**).

Благодаря архивным материалам (РГИА, ф. 796 (Канцелярия Синода)) удалось восстановить биографию Феолога (ум. 1734). В частности, он был постриженником Флорищевой пустыни, с 1698 г. являлся справщиком Московского печатного двора, а затем Московской Синодальной типографии, принимал деятельное участие в исправлении славянского текста для нового издания Библии. Это был высокообразованный и духовно-опытный человек и далеко не случайный адресат Дмитрия Ростовского.

Большая часть писем из переписки Дмитрия Ростовского с Феологом сохранилась в двух копиях: рукописной (в сборнике нач. XIX в. (РГБ, ф. 256 (собр. Н. П. Румянцева), № 407)) и печатной (в издании Ярославских епархиальных ведомостей за 1874 г.). И в рукописи, и в издании отсутствует ряд писем, нарушен хронологический порядок их расположения, большинство писем не датировано. Тем не менее датировку писем удалось установить: во-первых, на основании содержания письма, во-вторых, по указанию на какие-либо церковные праздники, и в-третьих, с учетом их хронологической последовательности. Автографов писем Дмитрия к Феологу почти не сохранилось, некоторые письма нам известны в отдельных списках, другие – только по изданиям.

Первое письмо Феологу Дмитрием Ростовским было отправлено 9 ноября 1697 г., из Глуховского Петропавловского монастыря. Следующее, от 25 февраля 1700 г., отправлено из Новгород-Северского монастыря Всемилоствитового Спаса. Письмо от 27 июня 1701 г. и два письма, написанные в январе 1706 г., были посланы из Москвы. Все остальные – из Ростова (последнее письмо написано 26 октября 1709 г.), всего 35 писем, написанных в 1707–1709 гг., в то время, когда святой Дмитрий занимал митрополичью кафедру в Ростове. Будучи ростовским митрополитом, Дмитрий продолжал работу над четвертой книгой Четых Миней и написал два таких крупных

сочинения, как «Келейный летописец» и «Розыск о раскольнической брынской вере», которые чаще всего и обсуждаются в переписке.

Другой комплекс писем сохранился в составе Основной редакции «Диариуша» и в рукописи «Епистоляра», записи в которой велись с 1707 по 1709 г. **(2.3. Письма Дмитрия Ростовского в составе «Диариуша» и «Епистоляра»).**

В «Епистоляре», помимо поденных записей, имеется несколько писем митрополита. Письма в рукописи написаны писцами, однако даты и обращения к адресатам во многих письмах являются автографами Дмитрия. В составе «Епистоляра» прежде всего следует отметить четыре письма Стефану Яворскому, местоблюстителю патриаршего престола. Основной предмет данной переписки – это обсуждение работы над «Келейным летописцем»: обсуждаются причины составления Летописи, принципы работы, композиция текста. Находясь в рамках частной переписки, письма Дмитрия Стефану Яворскому и по содержанию, и по форме в значительной степени отличаются от посланий Феологу: это переписка не только двух близких людей, но и людей общей литературной традиции.

Также в составе «Епистоляра» имеется четыре письма, написанные полностью на латинском языке голландскому купцу, агенту в Амстердаме по найму моряков и надзирателю русских пенсионеров Исааку ван дер Бургу; святитель Дмитрий, как следует из его посланий, лично не знал его, и их знакомство было «листовое», а переписка касалась только книжных дел. Часть книг, переданных Исааком ван дер Бургом Дмитрию, обнаружилась в его библиотеке.

Важным является письмо святителя Федору Поликарпову-Орлову, в котором речь идет о работе над «Келейным летописцем». Дмитрий, в связи с возможной критикой его Летописца за использование латинских источников, с большой осторожностью посылал свой труд друзьям для ознакомления; Федор Поликарпов был среди тех, кому митрополит доверял и посылал его для обсуждения, заявляя, что Летописец был задуман им не только и не столько для

изложения библейской истории, он рассматривает его в качестве духовного нравоучения.

В «Епистоляре» читаются письма царице Прасковье Федоровне, вдове царя Иоанна Алексеевича, и настоятелю Виленского Свято-Духова монастыря Феофану (Ивановичу). Последнее интересно для комментария с точки зрения макаронического языка, на котором написан текст письма, цитат из античных и новолатинских авторов, с помощью которых описывается плачевное состояние Ростовского архиерейского дома.

В составе «Диариуша» писем меньше. Здесь читаются письма патриархам Иоакиму и Адриану. Оба письма касаются работы Дмитрия над «Книгой житий святых», точнее – возможности работать с одним из ее источников – Великими Четвыми Минеями митрополита Макария.

Несколько писем Дмитрия Ростовского различным адресатам сохранилось в автографах митрополита (см. **2.4. Письма-автографы Дмитрия Ростовского и письма в составе различных рукописей и изданий**). Среди них благодарственное письмо патриарху Адриану, отправленное 29 декабря 1697 г. из Черниговского Елецкого монастыря (ГИМ, собр. Синодальных грамот, № 1517). Писарской скорописью, но с подписью-автографом святителя Дмитрия написаны два письма новгородскому митрополиту Иову от 10 декабря 1706 г. и от 4 декабря 1708 г. (РНБ, собр. А. А. Титова, № 1301; РГБ, ф. 138 (Костромское собр.), № 317)). Среди писем Иову выделяется письмо, датированное октябрём 1704 г. (СПБИН РАН, кол. 13 (Собрание Императорского русского Археологического общества), оп. 1, № 69). Это письмо, как никакое другое, помогает заглянуть в «творческую лабораторию» писателя, именно здесь Дмитрий просит Иова найти жития ростовских святых – Авраамия, Леонтия, Иакова. Просьба для ростовского митрополита не случайна: Дмитрий, совершенно очевидно, в это время уже собирал сведения о ростовских святых и святынях.

Среди писем-автографов святителя Дмитрия выделяется письмо к ученикам Ростовской школы, отправленное из Москвы в 1705 или 1706 г. Это

образец требовательной заботы святителя Димитрия об учениках созданной им школы с явным желанием психологически воздействовать на своих адресатов.

По рукописям и изданиям известен еще ряд писем, рассмотренных в диссертации: два письма бывшему ученику Ростовской школы Андрею Бодаковскому; по одному письму: Иллариону (Властелинскому), митрополиту Сарскому и Подонскому; Ефрему (Янковичу), митрополиту Сербскому; Гавриилу (Кичигину), архиепископу Вологодскому и Белозерскому; Фирсу (Шарапову), архимандриту Соловецкого монастыря; Сильвестру (Холмскому), архимандриту Троице-Сергиева монастыря; князю Михаилу Алегуковичу Черкасскому; приказному человеку Обвинского приказа Пермского уезда Вавиле Макаровичу; московскому стряпчему Тимофею Терпигореву; воеводе Иллариону Гавриловичу Воронцову; крупному солепромышленнику Григорию Дмитриевичу Строганову; дьяку Казенного приказа Ростовского архиерейского дома Михаилу Феоктистову; князю Михаилу Грохольскому; иеромонаху Иосифу (Булгакову); казначею Архиерейского дома Филарету; жителю Новгорода-Северского Симеону Доморци; письмо-благословение монахине Варсонофии (Козинской).

За рамки сугубо частной переписки выходят два послания иереям, близкие по форме и стилистике учительным посланиям, а также связанное с ними письмо, адресованное иеромонаху Иосифу (**2.5. Письмо иеромонаху Иосифу и послания иереям**). Послание Димитрия Ростовского иеромонаху Иосифу, сохранившееся в прижизненном списке ГИМ, Синодальное собр., № 811, в диссертации впервые вводится в научный оборот. Оба послания иереям также сохранились в прижизненной авторизованной рукописи митрополита: ГИМ, Синодальное собр., № 147. Послания, датируемые 1702 г., – это обращение митрополита к священнослужителям Ростовской епархии, стремление поднять нравственный уровень духовенства. Первое послание посвящено рассмотрению таинства Исповеди и практике духовничества, второе – таинству Евхаристии, покаяния, которым Димитрий отводил центральное место в церковной жизни. В диссертации показано, что эти тексты написаны по

всем правилам риторической «науки», их стиль – яркий и образный, что является отличительной чертой почти всех сочинений святого Димитрия, и прежде всего его проповедей.

В рукописной традиции были обнаружены и письма, адресованные митрополиту Димитрию. В параграфе **2.6. (Письма, адресованные Димитрию Ростовскому)** дается обзор дошедших до нас писем и посланий, полученных Димитрием Ростовским.

Из писем Феолога известен лишь один его ответ на два послания Димитрия Ростовского, связанных с работой над последней «Книгой житий святых». Сохранились письма-ответы патриарха Адриана, Стефана Яворского, митрополита Иова, учеников Ростовской школы Леонтия Благовещенского и Василия Заления, священника Ярославской церкви Ильи пророка Георгия, письма в стихах Кариона Истомина, отпись вологодского архиепископа Гавриила, письмо-челобитная помещиков Ростовского уезда, Ильи Мещеринова и Ильи Шаховского, письмо-челобитная Ивана Конева, строителя церкви Пресвятой Богородицы Неопалимая купина.

От украинского периода жизни Димитрия Ростовского также осталось несколько писем, адресованных Димитрию опосредованно: письмо Мелетия Дзика, игумена Киевского Михайловского Златоверхого монастыря монахам Слуцкого монастыря, и письмо патриарха Иоакима (Савелова). Не адресованное лично Димитрию Ростовскому письмо патриарха Иоакима касалось непосредственно трудов святого Димитрия и привело впоследствии к изменениям в первой книге Четых Миней. Это письмо патриарха Иоакима – один из документов «латинофобской полемики», существовавшей в России практически на протяжении всего XVII в.

Известные нам письма, адресованные Димитрию, являются лишь частью той корреспонденции, которую получал ростовский митрополит. «Диариуш», выше перечисленные письма самого митрополита свидетельствуют о том, что переписка Димитрия, как показано в диссертации (**2.7. О несохранившейся переписке Димитрия Ростовского (Кто такой Степан Васильевич)**), была

намного обширнее и богаче. Основной корпус этой переписки относится к 1702–1709 гг., когда святитель Димитрий уже занимал Ростовскую кафедру. Будучи ростовским митрополитом, он продолжал тесно общаться с представителями московской учености. Вероятно, это московское окружение митрополита можно назвать неким «литературным кружком», к которому принадлежал и святитель Димитрий. Среди московских «благодетелей» Димитрия Ростовского наиболее часто упоминался в переписке с другими адресатами некий Степан (Стефан) Васильевич, с которым его, несомненно, также связывало не только личное общение, но и переписка. Однако имя этого корреспондента Димитрия Ростовского долгие годы являлось загадкой для исследователей. Степан Васильевич был хорошо знаком Димитрию Ростовскому, вероятно, они познакомились в Москве в 1701–1702 гг., позднее встречались в Ростове и, очевидно, переписывались, хотя переписка не сохранилась. По рукописным и книжным источникам удалось установить, что это был Стефан Васильевич Леонтьев, выходец из Нижнего Новгорода, ставший на «государевой службе» инспектором Московской ратуши, «по чину» получивший дворянство, по долгу своей службы ежегодно (с 1705 г.) ездил в Архангельск, где посещал ярмарки и выполнял поручения ростовского митрополита Димитрия по закупке иностранных книг. По количеству и ценности вложенных им в монастыри книг его можно считать книжным (к тому же и достаточно богатым) человеком, а потому и неудивительно, что он хорошо знал представителей московского ученого круга и был близким знакомым святителя Димитрия Ростовского.

В эпистолярном наследии Димитрия Ростовского можно выделить разные типы писем (**2.8. О типологии писем Димитрия Ростовского**): от учительных посланий как разновидности книжно-славянской риторики (например, увещание святителя в виде двух посланий к иереям), которые близки по своей стилистике к поучениям и проповедям митрополита, до официальных ставленнических и разрешительных грамот, подчинявшихся законам деловой письменности и выходящих за пределы эпистолярной книжной культуры, а

также богатую частную переписку. Бесспорно, авторов эпистолярных памятников литературы барокко связывала, в большинстве своем, не личная дружба, а отношения братской любви. Тем не менее, переписка Дмитрия Ростовского с монахом Феологом является уникальным явлением в эпистолярной культуре рубежа XVII–XVIII вв.; это, возможно, единственная переписка людей, тонко раскрывающая не только отношения нравственно-религиозной близости, но и связанных как духовными братскими, так и поистине дружескими узами. Анализ переписки с монахом Феологом показывает, что и архитектура писем, их краткость и устойчивые эпистолярные топосы – все соответствует в ней эпистолярной теории письма. С другой стороны, в переписке возникает своеобразный «эпистолярный мир», где вступают в диалог, а диалоговое начало является одной из характеристик эпистолярного жанра, два героя: автор и адресат. В ряде писем митрополита Дмитрия риторика перестает быть самодовлеющим принципом, появляются черты «литературной», биографической прозы, образность которой, однако, продолжает быть насыщена барочными чертами и мотивами, в том числе религиозными размышлениями, наполненными выражением страха перед судьбой.

Среди дружеских, «братских» писем Дмитрия Ростовского мы находим «листовые посещения» Феолога, Стефана Яворского, новгородского митрополита Иова и других корреспондентов. Но сколь различны адресаты, столь различны и сами письма. Даже одна и та же тема (например, рассуждения о «Келейном летописце») совершенно по-разному представлены в письмах Феологу и Стефану Яворскому: простота противопоставлена учености, жалобы на нехватку книг – дискуссии. Образных выражений, риторических «условностей», соотносимых с организацией барочного текста, в письмах Феологу меньше, чем, например, в письмах Стефану Яворскому; в письмах Феологу чаще встречаются шутки, дружеское поощрение или, наоборот, дружеское порицание; в посланиях же Стефану Яворскому, или Феофану (Ивановичу) больше учености, искусных вариаций, украшений, выраженных

через метафору, перифраз, аллегорию, цитаты не только и не столько из Священного Писания, сколько из античных писателей, новолатинских поэтов, сочинений иезуитов.

При описании структуры писем исследователи часто испытывают терминологические трудности, что позволило нам ограничиться в диссертации выделением в письмах Дмитрия Ростовского трех значимых частей: начального обращения (соответствующего прескрипту или *salutatio*), основного содержания (взятых вместе *exordium*, *narratio* и *petitio*) и заключения (клаузулы или *conclusio*); их четкая структура выделяется в письмах Дмитрия Ростовского патриархам Иоакиму и Адриану, а также характерна, например, для писем Иову Новгородскому.

Глава 3. Сочинения Дмитрия Ростовского, изданные при жизни: вопросы атрибуции и творческого замысла.

Издательская практика сочинений Дмитрия Ростовского имеет следующую картину. В период между смертью митрополита (1709 г.) и его канонизацией (1757 г.) вышло только два издания: в 1717 г. была издана «Духовная» митрополита, и в 1745 г. – «Розыск о раскольнической брынской вере». Далее в 1774 г., уже после канонизации святителя Дмитрия, Н. И. Новиковым в «Древней Российской Вивлиофике» был напечатан «Диариуш». Это издание стало стимулом для дальнейших публикаций его сочинений. Спустя десятилетие в свет вышли сразу два издания, существенно изменившие издательскую картину: в Москве в 1784 г. печатается «Келейный летописец», а в 1786 г. – «Собрание разных поучительных слов и других сочинений святого Дмитрия митрополита...». С кон. XVIII в. труды Дмитрия Ростовского, в том числе и собрания его сочинений, стали выходить с регулярностью, и их издательская история едва ли может быть описана полностью. **(3.1. Общие замечания.)**

Некоторые сочинения Дмитрия были изданы уже при жизни автора: «Чуда Пресвятой и Преподобной Девы Марии» (1677 г.), «Руно

орошенное» (прижизненные издания – 1683, 1689, 1691, 1696, 1697, 1702), «Апология во утоление печали человека, сущаго в беде, гонении и озлоблении» (прижизненные издания – 1696, 1700) и «Книга житий святых» (прижизненные издания – 1689–1705; 1702). Эти книги стали объектом описания и комплексного изучения в главе 3.

Книга «Чуда пресвятой и преблагословенной Девы Марии» – первое из дошедших до нас сочинение Димитрия Ростовского (**3.2. Книги «Чуда пресвятой и преблагословенной Девы Марии» и «Руно орошенное»**). Книга была написана по повелению архиепископа Лазаря (Барановича), о чем сообщается в предисловии «К читателю». Заказ на написание этой книги был важным шагом для реализации амбициозных политических планов Лазаря (Барановича) по перенесению центра украинского православия в Чернигов, и фундаментом для этого должен был стать Троицкий Ильинский монастырь, где хранилась икона Ильинской Божьей Матери. Книга «Чуда...» является не только первым сочинением Димитрия Ростовского, но и первым изданным произведением святителя: книга была напечатана в типографии Новгорода-Северского 7 апреля 1677 г. Большой популярностью и славой пользовалась не эта книга, а созданное на ее основе «Руно орошенное», вышедшее первым изданием в 1683 г.

Черновых материалов этих сочинений не сохранилось, списков «Чуда...» нет, все известные нам списки «Руна орошенного» выполнены с тех или иных печатных изданий.

Книга «Чуда...» (как и «Руно орошенное») посвящена описанию чудес, произошедших от образа Ильинской Божьей Матери. Книги были хорошо известны и популярны как на Украине, так и в России, они были созданы Димитрием в период наивысшего расцвета барочной культуры на территории Украины и посвящены богородичной теме, одной из самых значимых в европейской средневековой культуре.

Наиболее близким образцом по структуре и содержанию для книги Димитрия, как показано в диссертации, была книга Иоанникия (Галятовского)

«Скарбница потребная», описывающая чудеса от другой знаменитой иконы – Елецкой иконы Божьей Матери, главной святыни Черниговского Елецкого Успенского монастыря. Однако книга «Чуда...» Димитрия Ростовского имеет от «Скарбницы...» Иоанникия (Галятовского) существенное отличие: после описания каждого чуда в книге Димитрия следуют нравоучения, что показывает, что уже в первой книге святителя выработывался его неповторимый авторский стиль и метод: собирания, соединения в одном сочинении разных источников, сведений в назидание и поучение читателю. Здесь же определяется и основной выбор источников, которые использовал святитель Димитрий: Священное Писание, восточные и западные отцы церкви, среди них основные ссылки на Иоанна Златоуста и Григория Двоеслова.

Вслед за книгой «Чуда...» было написано «Руно орошенное». Наиболее заметные различия между двумя книгами заключаются в следующем: «Чуда...» написаны Димитрием на простой мове, а «Руно...» – на церковно-славянском языке; в «Чудах...» – 22 чуда с нравоучениями, а в «Руне...» (в его первом издании, без дополнений) помещено 24 чуда; в «Руне...» к «Нравоучениям» добавлены «Беседы» и «Прилоги», которых нет в «Чудах...». При этом все нравоучения были написаны заново и отличаются от текстов в «Чудах...». «Руно орошенное» издания 1683 г. начинается посвящением Лазарю (Барановичу) и двумя новыми предисловиями: одно из них «К читателю», другое – «На книжку». После предисловий следуют два стихотворения на польском языке за подписью Лазаря (Барановича). В последующих переизданиях «Руна...» появляются новые посвящения, описываются новые чудеса, в акrostихе читается имя автора (т. е. книга перестает быть анонимной). Создание святителем Димитрием Ростовским новой книги («Руна орошенного») на основе написанной им же книги «Чуда пресвятой и преблагословенной Девы Марии» совершенно определенно было связано со стремлением усовершенствовать свой же собственный текст. Книга «Чуда...» структурно еще несовершенна, «Руно...» же имеет четкую структуру: Чудо, Беседа, Нравоучение и Прилог, при этом автор добавляет в книгу новые чудеса,

в тексты бесед, нравоучений и прилогов примеры из житийной литературы, а также усиливает символично-аллегорической составляющую.

В «Руне орошенном» отсутствует «Венец двенадесязвездный на похвалу чудотворной пресвятой Богородицы иконы», вместо него, начиная с издания 1696 г., читается текст «Догмата пресвятой Богородицы», в котором автор возвращается к спору о догмате о непорочном зачатии пресвятой Богородицы, дискуссия о котором с патриархом Иоакимом (Савеловым) привела, как показал А. А. Круминг, к цензурным переделкам в тексте Четых Миней Димитрия. Однако мнение свое Димитрий пытался отстоять ссылками на пения Церковного Устава и продолжал отстаивать его как в Четых Минеях, так и в текстах других сочинений.

В разделе **3.3. («Апология во утоление печали человека, сущаго в беде, гонении и озлоблении...»): проблема атрибуции и источники текста)** рассматривается сочинение, традиционно приписываемое святителю Димитрию. При жизни Димитрия Ростовского «Апология...» была издана в Черниговской типографии дважды – в 1696 и 1700 г. Она читается в ряде рукописных сборников проповедей и других сочинений Димитрия, в том числе в авторизованном списке Синодального собр., № 146., что и стало главной причиной для атрибуции его святителю Димитрию.

«Апология...», по мнению А. А. Круминга, является переложением сочинения Иеремии Дрекслея «Илиотропион», которое в свою очередь является переложением книги Фомы Кемпийского «О подражании Христу». Однако «Апология...» во многом отличается от этих сочинений как по объему, так и по структуре. Это небольшое сочинение, которое представляет собой условный диалог между скорбящим человеком и утешающим его старцем. На связь «Апологии...» и «Илиотропиона» указывает большой отрывок, почти дословно заимствованный в «Апологии...» из Иеремии Дрекслея, – это притча о благочестивом нищем, беседующем с ученым старцем. Доказательством этого служит маргиналия (напротив текста притчи), обнаруженная нами в рукописи из Синодального собр., отсутствующая во всех изданиях и во всех остальных

списках памятника. Так как «Апология...» не была полностью оригинальным сочинением Димитрия Ростовского, а в прижизненных изданиях и списках имя автора также не было обозначено, атрибуция памятника долгое время не была установлена и вызывала споры, что отразилось и в современных исследованиях. Так, сомнение в авторстве Димитрия было высказано Т. А. Исаченко, обнаружившей список «Апологии...» в составе конволюта из Национальной библиотеки Белоруссии (НИОК, № 091/4198-К).⁶ За текстом «Апологии...» в этом списке шла запись о переводе Андреем Виниусом нового немецкого словаря, и поэтому исследовательница предположила, что именно А. А. Виниус является и автором «Апологии...». Но, как удалось показать в диссертации, в приписке говорится не о переводе «Апологии...», а о переводе именно Предисловия к календарю 1670 г., составленного Стефаном Фурманом, и А. А. Виниус не имеет отношения к написанию «Апологии...», и атрибуция памятника Димитрию Ростовскому остается обоснованной.

Самым крупным сочинением, изданным при жизни Димитрия Ростовского, являются его Четьи Минеи. «Книга житий святых» Димитрия вышла первым изданием в Киеве, в типографии Киево-Печерской лавры, с 1689 по 1705 г. в четырех книгах в лист, по три месяца в каждой. Параграф **3.4. (Четьи Минеи («Книга житий святых») Димитрия Ростовского)** диссертации посвящен характеристике нескольких аспектов – описанию рукописных материалов, связанных с работой над Четью Минеями, и описанию агиографических сочинений, выходящих за рамки этого свода, а также анализу житий русских святых в их составе.

Четьи Минеи Димитрия Ростовского изначально были ориентированы на печатное издание. Рукописная традиция Четых Минеи гораздо более скромная в сравнении с другими сочинениями Димитрия Ростовского, например «Келейным летописцем», списки которого, несмотря на ряд печатных изданий,

⁶ Исаченко Т. А. Неизвестный рукописный сборник с посвящением русскому царю Алексею Михайловичу и дополнительными статьями в минском рукописном собрании Национальной библиотеки Белоруссии / XV Международный Съезд Славистов (Минск, 20–27 августа 2013 г.; стендовый доклад). М., 2013.

исчисляются сотнями. Наибольший интерес для нас представляет ряд сохранившихся авторизованных рукописей, созданных как в период работы митрополита над Четвыми Минеями, так и после выхода их первого издания **(3.4.1. Четвы Минеи Дмитрия Ростовского и рукописи его келейной библиотеки)**.

Сохранилось две рукописи, датируемые периодом работы митрополита над Четвыми Минеями: БАН, П I. А № 32 и РНБ, F.I.651.

Две части первого конволюта (БАН, П I. А № 32) – это черновые рукописи с житиями на сентябрь и октябрь, отразившие работу святителя Дмитрия над Четвыми Минеями, из них наиболее интересная – октябрьская часть, которая имеет пометы-автографы Дмитрия Ростовского. Среди них ссылки на книги, которые ранее не рассматривались в качестве источников для ряда житий, вошедших в Четвы Минеи: например, Трифологион – для житий апостола Фомы и преподобного Павла препростого, «*Vitae patrum*» Гернберга Росвейда – для Жития Илариона Великого, «*Zywoty Swiętych*» Петра Скарги – для житий Андрея Критского, Анастасии Римлянины, сборник «*Fasti Mariani cum Diuorum Elogijs in singulos anni dies distributes*» Андреаса Брюннера – для житий апостола Фомы, мученика Логгина, великомученика Дмитрия и т. д.

Работу над второй книгой Четвых Минеи показывает беловая, сделанная с допечатного текста рукопись с житиями за декабрь (РНБ, F.I.651), в которой также есть ссылки на источники, не указанные в печатном варианте Четвых Минеи. Таким образом, маргиналии, пометы на книгах важны не только для датировки, атрибуции произведения, они иллюстрируют конкретную работу, ее детали и нюансы, тем самым раскрывая перед нами методы работы автора.

Не менее важным для истории Четвых Минеи является ряд сборников из личной библиотеки Дмитрия Ростовского, собранных святителем в период его служения в Ростове. Рассмотренные в диссертации сборники – это творческая лаборатория писателя Дмитрия Ростовского, в них он делал необходимые ему для работы выписки из отцов церкви, различных славянских и латинских изданий, собирал агиографические и гимнографические тексты. В этих

сборниках можно найти черновые материалы, сохранившиеся от работы над «Келейным летописцем», «Розыском над раскольнической брынской верой», Четьими Минеями, «Апологией...», трактатом «Рассуждение о пресуществлении святейшей евхаристии» и др. Здесь имеются авторизованные списки его проповедей и писем. Но самое главное, среди текстов в этих рукописях обнаруживаются неопубликованные и не известные ранее, в том числе и агиографические, сочинения митрополита, которые расширяют наше представление о жанровом многообразии творчества святителя Димитрия. Материалы, вошедшие в эти сборники, иллюстрируют работу Димитрия Ростовского не только как агиографа, но и как агиолога. В диссертации проанализирован ряд таких текстов.

Так, в сборнике РГАДА, ф. 381, № 420 сохранился текст «О лет скончания преподобной Марии Египетской рассмотрение», написанный митрополитом как дополнительная статья календарного типа к Житию Марии Египетской, в котором дается сравнение известий из месяцесловов, напечатанных при богослужебных книгах и изданных в Москве, Киеве, Вильне, Львове, Чернигове. Вероятно, «вычисления» были сделаны митрополитом еще для первого издания (маргиналия о дате смерти Марии Египетской – 1 апреля 522 г. от Рождества Христова при императоре Иустине Великом имеется уже в первом издании), но сам текст написан, вероятно, для второго, но ни в первое, ни во второе издание он не вошел, а сохранился только в рукописной традиции.

В составе другой рукописи, ГИМ, Синодальное собр., № 146 имеется еще один не известный ранее, а также не вошедший в Четьи Минеи памятник «Врачевство безмездное святых девяточисленных иже в Кизику мученик», рассмотренный в параграфе 3.4.2. (**«Врачевство безмездное святых девяточисленных иже в Кизику мученик» Димитрия Ростовского**). Это агиографический цикл, в состав которого вошли написанные Димитрием разножанровые тексты, посвященные группе святых, а именно кизическим мученикам – Феогниду, Руфу, Антипатру, Феостиху, Артеме, Магну, Феодоту, Фавмасии и Филимону. Работа над циклом, известным нам в двух списках

(кроме указанного – ГИМ, собр. Е. В. Барсова, № 799), была начата Дмитрием в 1694 г. по повелению патриарха Адриана, еще в бытность последнего Казанским митрополитом. В состав «Врачевства», которое, как удалось определить, было написано с использованием не сохранившегося до нашего времени сборника «Спирида» (составленного ктиторм церкви Стефаном Сахаровым в 80-е гг. XVII в.) и которое складывалось, по-видимому, не одновременно, а постепенно, входят Житие (помещенное под 29 апреля в Четых Минеях Дмитрия), Служба, Молитва, поучение (известное в ряде рукописей и изданий), и «Сказание о новосозданной во имя их каменной церкви и обители». Название цикла, его состав – все свидетельствует о том, что в своем законченном виде сочинение мыслилось Дмитрием Ростовским как единый комплекс, агиографический цикл, посвященный группе христианских святых, принявших мученическую смерть в городе Кизике и позднее прославленных в Казани.

В еще одной рукописи из библиотеки митрополита (ГИМ, Синодальное собр., № 811) сохранилось сочинение – «Мартиролог или мученикословие...» (см. 3.4.3. «Мартиролог или мученикословие, жития святых по месяцам и числах въкратце собранная»: замысел и его реализация). Можно утверждать, что Дмитрий задумал написать, помимо Четых Миней, еще краткие жития (Мартиролог), причем не механически сокращая уже написанные им ранее, а создавая новые тексты. Продолжение этого текста было обнаружено в другой рукописи – РНБ, Q.I.396. Обе рукописи рассмотрены в диссертации. В первой авторизованной рукописи из библиотеки Дмитрия Ростовского сохранились краткие жития на сентябрь, во второй – на декабрь, январь, февраль. Жития на сентябрь в составе синодальной рукописи представляют собой беловой список: имеются киноварные буквы, выделения, абзацы, работа над текстами была проделана тщательная и скрупулезная. Рукопись из РНБ, наоборот, черновая, писана, возможно, под диктовку митрополита. Мартиролог был начат, как указано в синодальной рукописи, на Украине, в Новгород-Северском монастыре в 1700 г. Вероятно, в связи с

переездом святителя с Украины в Россию сочинение не было завершено, хотя изначально, как обосновано в диссертационном исследовании, задумывалось для печати. Приступая к работе над «Мартирологом», Димитрий Ростовский преследовал совершенно утилитарные цели, о чем написал в своем предисловии «К читателю»: во-первых, он полагал, что полные Четьи Минеи, книги большие по объему и дорогие по цене, были почти не доступны для большинства верующего населения; во-вторых, тексты в Четьих Минеях, по сравнению с краткими житиями, были длинными и пространными, что делало их трудными для чтения, и, в-третьих, в состав книги должны были войти, в отличие от Четьих Минеи, все памяти на каждый день, т.е. Мартиролог должен был иметь более полный месяцеслов. Анализ памятника показал, что месяцеслов Мартиролога, безусловно, был ориентирован Димитрием Ростовским на его собственные Четьи Минеи, но он имеет свои значимые отличия: автор сокращал тексты, делал интересные дополнения, старался сделать их не только поучительными, но и занимательными.

Основной аспект данного раздела диссертации – это анализ житий русских святых в Четьих Минеях Димитрия Ростовского (**3.4.5. Жития русских святых в составе Четьих Минеи**).

Несмотря на достаточную полноту, русская агиография в Четьих Минеях святителя представлена далеко не полностью. По нашим наблюдениям, в четырех книгах первого издания имеется 133 статьи, посвященные русским святым – это, во-первых, очень краткие или немногим более распространенные месяцесловные записи, основанные, главным образом, на Прологе (60 статей), и, во-вторых, 73 «полнотекстовых» жития, отличающихся от месяцесловных памятней как по объему, так и по количеству источников, из которых 37 – жития и патериковые рассказы, заимствованные из Киево-Печерского патерика. Так, в первой книге Четьих Минеи за сентябрь–ноябрь помещено 18 пространных редакций житий русских святых, из них 8 взяты из Киево-Печерского патерика и только 10 составлены по другим источникам (Иоанна Новгородского, Михаила Черниговского и его боярина Феодора, Сергия Радонежского,

Григория Пельшемского, Гурия и Варсонофия Казанских, Иакова Боровицкого, Авраамия Ростовского, Ионы Новгородского, Варлаама Хутынского и Никона Радонежского); во второй части (декабрь–февраль) – из 15 пространных житий 11 заимствовано из Патерика, а для 4 житий (Саввы Сторожевского, митрополита Петра, Ефрема Новоторжского, митрополита Алексея) использовались другие источники; в третьем томе (март–май) – из 17 текстов 8 «патериковых» житий и 9 житий (Ионы, митрополита Киевского и всея Руси, Савватия и Зосимы Соловецких, Стефана Пермского, Пафнутия Боровского, страстотерпцев Бориса и Глеба, Исидора и Игнатия Ростовских, Евфросинии Полоцкой) написано на основании других источников; в четвертой части (июнь–август) – из 23 житий 10 заимствовано из Киево-Печерского патерика, а 13 текстов составлено по другим источникам (царевича Димитрия Угличского, Игоря Ольговича, князя Черниговского, Константина, митрополита Киевского, Кирилла Белозерского, царевича Петра Ордынского, Иулиании Печерской, Прокопия Устюжского, княгини Ольги, Федора Варяга и сына его Иоанна, князя Владимира, Макария Желтоводского, Антония Римлянина, Авраамия Смоленского). Таким образом, следует признать, что при довольно большом общем числе великорусских святых, отмеченных в месяцеслове Четых Миней Димитрия Ростовского, пространных редакций житий немного.

Поиск великорусских житий святителей начал еще живя на Украине, но особый интерес к ним возник, когда он стал ростовским архиереем. Об этом свидетельствует переписка Димитрия с монахом Феологом, Иовом Новгородским: Димитрий собирал и просил переписать ему тексты житий русских святых. Больше всего «новых» агиографических текстов содержится в рукописях: ГИМ, Синодальное собр., № 858 и РГАДА, ф. 381, № 420. В последней рукописи есть еще одно свидетельство интереса Димитрия Ростовского к этой теме – это месяцеслов на месяцы июнь-август с памятями русских святых, вошедших в четвертую книгу Четых Миней, где указаны источники (среди них агиографические сборники, имеющие ростово-ярославское происхождение), т.е. показано, откуда должны быть взяты

сведения о том или ином святом. Но из всех житий русских святых, входящих в состав этих рукописей, в Четьи Минеи под 3 июня вошло только Житие царевича Димитрия Угличского.

Основные и важнейшие источники житий русских святых большей частью уже определены исследователями. Из русских источников у Димитрия Ростовского были: Великие Четьи Минеи митрополита Макария (Успенский список), Киево-Печерский патерик (святитель использовал печатную редакцию Патерика по киевским изданиям 1661 и 1678 гг.) и Пролог (М., 1685). Безусловно, этим перечнем не исчерпывается то количество памятников, которые были использованы митрополитом как при работе над месяцесловом, так и при работе над текстами самих житий, и задачей диссертации было определить и найти дополнительные источники текстов, еще не выявленные и не обнаруженные.

Метод работы над житиями русских святых не отличался от приемов и способа работы митрополита над другими агиографическими сочинениями. В диссертации на примере ряда житий проанализирована работа Димитрия над житиями русских святых.

Димитрий Ростовский иногда включал в Четьи Минеи тексты своих источников почти без изменений – так он поступил, например, с житиями киево-печерских подвижников, переписав их из Киево-Печерского патерика, очень редко делая небольшие пропуски. Святитель мог сократить свой единственный источник (например, Житие Гурия и Варсонофия Казанских, в основе которого лежала проложная статья; или жития Сергия Радонежского и Стефана Пермского – источником для них служили Великие Четьи Минеи). Особенно показательным в этом отношении Житие Авраамия Смоленского (21 авг.) (см. **3.4.5.1. Житие Авраамия Смоленского**), на примере которого можно проследить, как Димитрий Ростовский работал с текстом Великих Четых Миней, Успенский список которых сохранил пометы святителя, свидетельствующие о внимательном и осознанном чтении текста этого Жития:

Димитрий не только сократил его, сделав текст свободным и динамичным, но и расставил новые акценты, дав свои толкования ряду эпизодов.

Димитрий Ростовский при работе над житиями русских святых мог использовать два источника – например, Великие Минеи Четьи и Пролог, комбинируя, пересказывая, сокращая или дополняя их так, что текстологическое, пословное сравнение текстов почти невозможно (жития Иоанна Новгородского, Саввы Сторожевского, Зосимы и Савватия Соловецких). Если жития не было в составе Макарьевских миней, Димитрий искал его в другом сборнике. Так, при написании Жития Антония Римлянина (3 авг.) (см. **3.4.5.2. Житие Антония Римлянина**), Димитрий воспользовался или одним из ростово-ярославских сборников, или текстом Жития, который мог прислать ему митрополит Иов. Но, в любом случае, судя по редакции, созданной Димитрием Ростовским, у святителя «в работе» был список, который имел не только текст «Сказания о житии преподобного и богоносного отца нашего Антония Римлянина...» с предисловием и Похвальным словом, но и другие агиографические памятники, посвященные Антонию Римлянину: «О преложении <...> тела <...> Антония чудотворца», «Повесть об обретении и перенесении мощей Антония Римлянина», возможно, и Послесловие Нифонта к чудесам. Некоторые факты и комментарии были взяты из Пролога и Киево-Печерского патерика.

Автор «Книги житий святых» также мог взять за основу редкий, или даже не известный нам памятник. Так, при написании «Сказания о убиении <...> князей Бориса и Глеба <...> и о пренесении честных мощей их, и о чудесех отчасти» (2 мая) (**3.4.5.3. Житие благоверных князей-страстотерпцев Бориса и Глеба**) он использовал не известную до недавнего времени редакцию «Сказания о убиении <...> князей Бориса и Глеба», сохранившуюся в конвое Мгарского списка Густынской летописи (РНБ, Ф.ХVII.14), при этом Димитрием вносились дополнения и из других памятников борисо-глебского цикла, а также летописи, Степенной книги, «Синописа» Иннокентия Гизеля и Пролога.

Не менее многогранной была работа Дмитрия Ростовского над «Житием и успением <...> княгини российской Ольги...» (11 июля) (**3.4.5.4. Житие благоверной княгини Ольги в Четьх Минях Дмитрия Ростовского**), в котором, кроме основного источника – Пространной редакции Жития княгини Ольги, которую Дмитрий мог найти в Степенной книге или в Мгарском списке Густынской летописи – святитель обращался к Синопису Иннокентия Гизеля, «Хронике польской, литовской, жмойтской и всея Руси» Матея Стрыйковского, «Деяниям церковным» кардинала Цезаря Барония в переводе на польский язык Петра Скарги.

Таким образом, на примере этих житий в диссертации показано, как Дмитрий Ростовский создавал свои редакции житий русских святых, проделывая при этом почти ювелирную работу, убирая, по возможности, все шероховатости, замеченные им в других редакциях; его тексты динамичны и легки для чтения и представляют собой неразрывную цепь тесно связанных между собой эпизодов, каждый момент становится прямым следствием предшествующих событий.

Глава 4 (Проповеди Дмитрия Ростовского) посвящена одному из самых больших пластов творческого наследия Дмитрия Ростовского – проповедям и поучениям. Проповеди святителя Дмитрия впервые были изданы в 1786 г., это произошло уже после открытия мощей святителя в 1752 г. и его канонизации в 1757 г., при этом проповеди Дмитрия имеют богатую рукописную традицию как до выхода первого издания, так и после него.

Как показано в разделе 4.1. (**Проповеди Дмитрия Ростовского в контексте его творчества**), у нас нет прямых письменных свидетельств того, что Дмитрий имел намерение издать свои поучения, хотя, конечно, не мог не наблюдать растущий интерес к своим ораторским сочинениям. Об успехе проповедей Дмитрия свидетельствует переписка святителя, а наличие авторизованных рукописных сборников с правкой и маргиналиями митрополита, списков проповедей, вышедших из ростовского скриптория

Димитрия, дает возможность предположить, что святитель работал с этими текстами и не исключал возможности издания своих проповедей. Тем не менее, проповеди Димитрия Ростовского, одного из самых ярких в Московской Руси Петровской эпохи выходцев с Украины и самых выдающихся проповедников, не были изданы при жизни.

Димитрием Ростовским были написаны поучения почти на все праздники подвижной и неподвижной частей церковного календаря (более 100 текстов).

Святейший синод вслед за канонизацией Димитрия предписывал ростовскому митрополиту Арсению (Мацеевичу) собрать и прислать рукописи, содержащие проповеди Димитрия Ростовского. Возможно, данное предписание входило в состав общих мер, предпринятых Синодом для прославления святого Димитрия. Однако первое издание проповедей митрополита было осуществлено спустя три десятилетия по инициативе частного лица – Я. А. Татищева, биография которого изложена в разделе **4.2. История издания первого собрания проповедей Димитрия Ростовского.**

Я. А. Татищев (1729–1806) был гвардейским офицером, а после отставки – предводителем московского и коломенского дворянства. Именно Я. А. Татищев в 1782 г. подал прошение в Синод с инициативой издать «на собственный кошт» проповеди и другие сочинения Димитрия Ростовского. Цензорами издания были: Симон (Милюков), архимандрит Спасо-Андроникова монастыря, Павел (Пономарев), архимандрит московского Симонова Успенского монастыря, общую редакцию издания осуществлял московский архиепископ Платон (Левшин). Согласно архивным документам, проанализированным в диссертации, подготовка к изданию длилась почти четыре года, и в 1786 г. было напечатано 2400 экземпляров книг «Собрания разных поучительных слов и других сочинений святого Димитрия митрополита, ростовскаго чудотворца, на шесть частей разделенного, с приложением Жития его, Духовной грамоты святаго Димитрия митрополита, ростовскаго чудотворца, и Надгробной».

Основная редактура касалась преимущественно нормализации церковнославянской орфографии; слова, написанные на простой мове, были переведены, но «по штилю и наречию» авторство признавалось за святителем Димитрием Ростовским.

Совершенно очевидно, что вопросы текстологии и атрибуции указанных выше редакторов издания не интересовали и новые списки к работе не привлекались, а потому первое собрание имеет ряд недостатков, и, прежде всего, то, что в его состав вошли проповеди, Димитрию Ростовскому не принадлежащие (см.: **4.3. Первое издание проповедей Димитрия Ростовского: проблема атрибуции**).

Вопрос атрибуции сочинений Димитрия Ростовского и сегодня остается одним из самых актуальных вопросов в изучении творчества святителя. Безусловно, существуют *маркеры*, благодаря которым мы можем с той или иной долей вероятности утверждать, принадлежит та или иная проповедь святителю Димитрию или нет. Так, большинство слов и поучений повторяется из сборника в сборник, в них обозначена их принадлежность Димитрию Ростовскому. Кроме того, проповеди в этих сборниках, за некоторым исключением, не встречаются в печатных изданиях и рукописных книгах проповедей других проповедников – старших и младших современников ростовского митрополита. При некоторых проповедях имеются дата и место произнесения, и этот *исторический контекст* существенным образом помогает решать вопросы атрибуции. Встречаются также типичные для рукописных сборников сочинений Димитрия Ростовского маргиналии, указывающие на славянские и западные источники тех или иных сюжетов и цитат, большая часть которых взята из книг, принадлежащих библиотеке писателя, – обнаружение и определение этих цитат играет важную роль в вопросах атрибуции. Необходимо учитывать присущие проповедям именно Димитрия Ростовского стилистические приемы, риторические фигуры, переходящие из текста в текст образы.

В первом собрании помещено 94 проповеди Дмитрия Ростовского, но ряд текстов в нем Димитрию не принадлежит.

Две проповеди написаны, как указал еще И. А. Шляпкин, Стефаном Яворским. Пять проповедей, как нам удалось обнаружить, принадлежит Симеону Полоцкому, они читаются в двух его сборниках: «Вечеря душевная» и «Обед душевный». Кроме этих текстов, 9 проповедей этого издания мы относим к текстам со спорной атрибуцией. Стилистически эти тексты отличаются от ораторских произведений Дмитрия Ростовского: нет характерных для него оборотов, построений фраз, многочисленных символических сравнений, используются нетипичные для Дмитрия обращения к слушателям. Однако, безусловно, могут быть обнаружены дополнительные данные, которые подтвердят или окончательно опровергнут авторство Дмитрия по отношению к ним.

Это относится и к более поздним публикациям отдельных проповедей, атрибуция большинства из них Димитрию Ростовскому также требует уточнения: авторы публикаций не приводят каких-либо доказательств, кроме того, что поучения находятся в сборниках, названных как «Проповеди митрополита Дмитрия, ростовского чудотворца».

Уже только один этот факт говорит о том, что, несмотря на всю свою значимость, первое «Собрание разных поучительных слов...» не выдерживает научной критики, а потому перед исследователями сегодня стоит задача подготовки нового издания проповедей Дмитрия Ростовского. Безусловно, как массовое издание, рассчитанное на широкий круг читателей, оно свою задачу выполнило. Более того, даже несмотря на все ошибки и недочеты, структура этого издания может быть принята за основу новой публикации проповедей Дмитрия. Но, кроме исправления атрибуционных ошибок первого издания, важно определиться, по какому списку должно быть подготовлено издание той или иной проповеди, при этом, безусловно, предпочтение должно быть отдано «авторитетным» спискам, которые рассмотрены в параграфе **4.4. (Неизвестные проповеди Дмитрия Ростовского в составе сборников его сочинений).**

Несмотря на огромное количество рукописей с проповедями Димитрия Ростовского, «авторитетных» рукописных книг немного. В первую очередь, это авторизованные сборники, вышедшие из ростовского скриптория, сборники с правкой митрополита: ГИМ, собр. И. Е. Забелина, № 619; собр. М. И. Соколова, № 81; Синодальное собр., № 146 и 147. Все проповеди в этих сборниках могут быть атрибутированы Димитрию Ростовскому.

Внимания заслуживают также рукописи: РМЗ, № 828; РНБ, собрания А. А. Титова, № 3557 и РГБ, ф. 310 (собр. В. М. Ундольского), № 467. Писцы этих сборников использовали, вероятно, подлинные черновые рукописи святителя, что дает нам основание с особым вниманием относиться к составу этих сборников и доверием к их маргиналиям.

Целыми сводами с сочинениями Димитрия Ростовского являются сборники: РНБ, Q.I.269; собр. А. А. Титова, № 100 и РГБ, ф. 394 (собр. А. И. Хлудова), № 25. Это рукописи имеют в своем составе не только самое большое количество проповедей митрополита, но и редкие, или даже неизвестные его сочинения.

Однако, несмотря на все достоинства этих авторитетных сборников, в них встречаются проповеди, святителю Димитрию не принадлежащие, и считать, что все тексты, входящие в состав этих рукописей, принадлежат перу Димитрия Ростовского, нужно с большой долей осторожности, среди них читаются, например, слова Симеона Полоцкого. Возможно, это объясняется следующим образом: отсутствие в творчестве Димитрия Ростовского поучений на тот или иной праздник (особенно в подвижной части богослужебного круга), как нам кажется, привело к тому, что писцы больших кодексов восполняли некоторые *пробелы*: недостающие поучения на определенные недели и праздники дополнялись текстами других проповедников (Стефана Яворского, Симеона Полоцкого) на эти дни, но приписывались Димитрию Ростовскому, что привело впоследствии к ошибкам в атрибуции данных сочинений.

Отдавая предпочтение указанным выше сборникам, тем не менее, нельзя не учитывать и другие рукописи, содержащие слова святителя: часто проповеди

в них могут иметь при себе важные пометы (время или место произнесения), что позволяет больше узнать не только о самой проповеди, но и о творчестве Димитрия в целом.

Таким образом, для выявления всего состава ораторских сочинений Димитрия Ростовского, для решения вопросов атрибуции и комментирования необходимо, по возможности, с одной стороны, принимать во внимание все списки проповедей святителя, с другой – критически к ним относиться.

Однако среди проповедей в сборниках сочинений Димитрия Ростовского есть тексты, атрибуция которых святителю Димитрию кажется нам бесспорной: они имеют особенности стиля Димитрия, отличительные особенности рукописной традиции бытования его сочинений и органично вписываются не только в контекст его творчества, но и в общекультурный контекст эпохи. Это две проповеди на память великомученицы Варвары, «Слово на перенесение мощей святого мученика Димитрия царевича», два «Слова похвальных на святого Гурия, первого архиепископа Казанского», «Слово на память Леонтия, епископа Ростовского», «Слово на освящение Смоленско-Корнилиевской церкви». В отдельных параграфах (**4.4.1. Проповеди Димитрия Ростовского на память великомученицы Варвары; 4.4.2. Проповедь на перенесение мощей святого мученика Димитрия царевича; 4.4.4. Проповедь на память Леонтия, епископа Ростовского; 4.4.5. Проповедь на освящение Смоленско-Корнилиевской церкви**) охарактеризованы рукописи, в которых читаются эти тексты, описано содержание, проанализированы их художественные особенности (структура и стилистика), раскрыты источники, проиллюстрирован историко-культурный контекст.

В **Заключении** кратко подводятся итоги работы и проводится мысль о том, что творчество Димитрия Ростовского представляет редкий феномен, соединяющий различные эпохи и стили, что позволяет ему и сегодня быть актуальным и востребованным. Рассмотренные в диссертационном исследовании сочинения в значительной степени определяют место творчества

Димитрия Ростовского в литературном процессе кон. XVII – нач. XVIII в. Многие сочинения ростовского митрополита, в том числе и жития в составе Четьих Миней, относятся к традиционным жанрам древнерусской литературы. С другой стороны, его сочинения, прежде всего проповеди и первые книжные опыты, т. е. написанные и при жизни изданные сочинения («Чуда пресвятой и преблагословенной Девы Марии», «Руно орошенное», «Апология во утление печали»), своей образной системой, безусловно, присоединяют его творчество к произведениям писателей культуры барокко. И наконец, автобиографические тексты и сохранившийся эпистолярный по своему внутреннему содержанию делают наследие святителя Димитрия уже частью литературы Нового времени.

В отдельный том (**Т. 2.: Приложения**) оформлены приложения к каждой главе диссертации.

В Приложении к главе 1 тексты: 1.1. «Диариуш» Димитрия Ростовского: Основная редакция; 1.2. «Диариуш» Димитрия Ростовского: Летописная редакция.

В Приложении к главе 2 – письма Димитрия Ростовского.

В Приложении к главе 3: 3.1. Каталог житий русских святых по Четьим Минеям Димитрия Ростовского и тексты: 3.2. Мартиролог или мученикословие, жития святых по месяцам и числах вкратце собранные, в себе содержащее; 3.3. Сказание о прославлении святых девяти мучеников кизических в граде Казани и о новосозданных во имя их каменной церкви и обители; 3.4. Молитва ко святым девяти мученикам кизическим; 3.5. Служба святым девяти мученикам кизическим, поемая в обители Кизической, яже близ града Казани.

В Приложении к главе 4: 4.1. Каталог проповедей и тексты: 4.2. Проповеди на память великомученицы Варвары; 4.3. Проповедь в неделю 3 по Святом Духе и на перенесение мощей святого мученика Димитрия царевича; 4.4. Проповеди на память святого Гурия Казанского; 4.5. Проповедь на освящение Смоленско-Корнилиевской церкви; 4.6. Проповедь на память Леонтия, епископа Ростовского.

Публикации по теме диссертации

Публикации в изданиях, рекомендуемых ВАК РФ

1. Культ святой Варвары в творчестве Дмитрия Ростовского // Русская литература. 1999. № 4. С. 98–108.
2. Житие святого Дмитрия Ростовского (тезисы доклада) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 3 (29). С. 114–115.
3. Дмитрий Ростовский в русской поэзии (к 300-летию со дня смерти святого) // Русская литература. 2009. № 4. С. 72–85.
4. Житие святого Дмитрия Ростовского (к вопросу об истории текста) // ТОДРЛ. СПб., 2009. Т. 60. С. 150–182.
5. О конклюзии святому Дмитрию Ростовскому (и еще раз о дате крещения святого) // ТОДРЛ. СПб., 2010. Т. 61. С. 311–328.
6. Чтения по литературе и культуре Древней Руси в Ростове Великом // Русская литература. 2011. № 1. С. 272–280.
7. К истории Четых Миней Дмитрия Ростовского: рукописные материалы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. Том 11, вып. 12: Филология. С. 123–133.
8. «Сказание, коея ради вины изложися Акафист святителю Христову Дмитрию» (Об одном чуде святого Дмитрия Ростовского) // ТОДРЛ. СПб., 2014. Т. 62. С. 120–142.
9. О неизданных сочинениях святителя Дмитрия Ростовского: к постановке проблемы // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2014. № 1 (36). С. 47–64.
10. О неизданных проповедях Дмитрия Ростовского: Слово на перенесение мощей святого мученика Дмитрия царевича // ТОДРЛ. СПб., 2014. Т. 63. С. 184–204.
11. К истории издания Четых Миней Дмитрия Ростовского (статья «О лете скончания преподобной Марии Египетской» в составе дополнений к Четым Минеям святителя Дмитрия) // Slověne. 2015. Т. 4. № 1. С. 541–553.
12. «Мартиролог или мученикословие, жития святых по мѣсяцех и числах въкратцѣ собранныя, в себѣ содержащее»: об одном неизданном сочинении Дмитрия Ростовского // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2017. Вып. 52. С. 76–111.
13. О первом издателе и первом издании проповедей Дмитрия Ростовского // Slověne. 2018. Т. 7. № 1. С. 148–173.
14. Слова на память святого Гурия Казанского: к вопросу о неизвестных сочинениях Дмитрия Ростовского // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2018. Вып. 56. С. 86–108.
15. Комментарии к переписке святителя Дмитрия Ростовского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 2 (76). С. 134–140.

16. Рец.: *Антони Хипписли, Ханс Роте и Лидия И. Сазонова*. Рифмологион. Собрание придворно-церемониальных стихов Т. 1–2. Wien; Köln; Weimar, 2013–2017 // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2019. Т. 78, № 3. С. 67–71.
17. Сочинение Дмитрия Ростовского «Канон преподобным и богоносным отцем нашим Антонию и Феодосию Киево-Печерским»: к истории текста // Русская литература. 2020. № 2. С. 44–47.
18. (совм. с Павловой Л. В., Романовой И. В.) Авраамиевские слушания: Чтения по истории и культуре Древней Руси (Хроника) // Русская литература. № 4. 2020. С. 284–288.
19. К истории жанра эпитафии в XVIII в. (Об одной эпитафии Дмитрию Ростовскому) // Проблемы исторической поэтики. 2021 № 4. С. 190–214.

В других изданиях

Монографии:

1. Эпистолярное наследие Дмитрия Ростовского: Исследование и тексты. М.: Индрик, 2005. – 383 с., ил.
2. Дмитрий Ростовский. Чуда пресвятой и преблагословенной Девы Марии / Подг. текста, вступ. ст., коммент. М. А. Федотовой. Чернигов: Вѣра и жизнь, 2013. – 95 с., ил.
3. Святитель Дмитрий Ростовский: Житие, Служба, чудеса: Исследование и тексты. СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2022. – 560 с., ил.

Статьи:

1. (совместно с А. А. Крумингом) Святой Дмитрий Ростовский и его переписка с монахом Феологом Чудовским, справщиком Печатного Двора // Филевские чтения. М., 1995. Вып. IX. С. 108–136.
2. Письма Дмитрия Ростовского Иову, митрополиту Новгородскому // Новгород в культуре Древней Руси. Материалы чтений по древнерусской литературе (Новгород, 16–19 мая 1995 года). Новгород, 1995. С. 102–111.
3. К вопросу об эпистолярном наследии Дмитрия Ростовского // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 49. С. 388–399.
4. «Комментарии на евангельские истории» Дидакуса де Беза – один из источников сочинений Дмитрия Ростовского // Дмитриевские чтения. Материалы научной конференции 21–24 апреля 1996 г. СПб., 1996. С. 16–27.
5. Письма и послания Дмитрия Ростовского и эпистолярный жанр конца XVII–начала XVIII вв. // Литература, культура и фольклор славянских народов. Материалы конференции (Москва, июнь 2002). К XIII международному съезду славистов. М., 2002. С. 47–57.
6. Житие святой Варвары в древнерусской традиции // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 53. С. 76–89.

7. Эпистолярное наследие Дмитрия Ростовского (вопросы источниковедения и текстологии) // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 54. С. 535–564.
8. «Егда припомню много дѣл его благих ...» (к вопросу о биографии гетмана Мазепы и творчества Дмитрия Ростовского) // *Mazepa e il suo tempo. Storia, cultura, societa. Mazepa and his time. History, culture, society.* A cura di edited by G. Siedina. Alessandria, 2004. P. 529–539.
9. О переписке Дмитрия Ростовского (письма, адресованные митрополиту Дмитрию Ростовскому) // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 56. С. 366–384.
10. (совместно с Д. М. Буланиным) Феолог // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 2004. Вып. 3 (XVII в.), ч. 4. С. 148–151.
11. Письма Дмитрия Ростовского: новые материалы // Статьи по древней и новой литературе: Сборник в честь Н. С. Демковой. СПб., 2005. С. 285–294.
12. Из переписки Дмитрия, митрополита ростовского и ярославского: письмо Дмитрия Ростовского соловецкому архимандриту Фирсу // Книжное наследие Соловецкого монастыря XV–XVII вв: Тезисы докладов. Соловки, 2005. С. 97–99.
13. Дмитрий Саввич, святой // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 15. С. 8–17, 18–23.
14. О конклюзии святому Дмитрию Ростовскому // *Nel mondo degli Slavi. Incontri e dialoghi tra culture / Studi I onore di Giovanna Brogi Bercoff.* Firenze, 2008. С. 154–162.
15. Дмитрий Туптало – игумен Батуриного Николо-Крупницкого монастыря // Батуринська старовина. Збірник наукових праць, присвячених 300-літтю Батуринсько трагедії. Київ, 2008. С. 200–211.
16. Житие, почитание и прижизненные чудеса святого Дмитрия Ростовского // Святитель Дмитрий, митрополит Ростовский. Исследования и материалы. Ростов Великий, 2008. С. 273–310.
17. Источники жития Дмитрия Ростовского // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. СПб., 2011. Т. 2. С. 180–222.
18. Житие княгини Ольги в Четых Минеях Дмитрия Ростовского // Псков, русские земли и Восточная Европа в XV–XVII вв. К 500-летию вхождения Пскова в состав единого Русского государства: сб. тр. междунар. научной конференции, 19–20 мая 2010 г. / Псковский гос. пед. ун-т им. С. М. Кирова; Европейский ун-т в С.-Петербурге. Псков, 2011. С. 362–383.
19. Метафрастовская редакция Жития Григория Армянского в древнерусской книжности // Вестник Ереванского университета. Серия: Арменоведение. Ереван, 2012. № 137.1. С. 17–29.
20. Об одной рукописи из собрания Петра I: к истории Четых миней Дмитрия Ростовского // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН. СПб., 2013. С. 187–194.

21. О сочинениях святителя Димитрия Ростовского в собрании и трудах А. А. Титова // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 2014. Вып. XX. С. 19–45.
22. Симеон Метафраст и Четьи Минея Димитрия Ростовского» // Търновски писмена. Алманах за Търновската книжовна школа. 2014. № 6. С. 305–308.
23. Каталог проповедей Димитрия Ростовского // Русское богословие: Исследования и материалы. 2015. М., 2015. С. 5–84.
24. Из комментариев к переписке святителя Димитрия Ростовского (Кто такой Степан Васильевич) // Круги времен: В память Елены Константиновны Ромодановской. М., 2015. Т. 2: Исследования. Посвящения и воспоминания. С. 343–352.
25. Слово на освящение Смоленско-Корнилиевской церкви: неизвестная проповедь Димитрия Ростовского // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 2016. Вып. XXI. С. 46–57.
26. Сочинения Димитрия Ростовского о святых страстотерпцах Борисе и Глебе // Материалы международной научной конференции «Десятые Загребинские чтения: К 1000-летию преставления князя Владимира и убийства его сыновей Бориса и Глеба» Санкт-Петербург, 29–30 октября 2015 г. СПб., 2016. С. 140–158.
27. Слово на память Леонтия, епископа Ростовского: к вопросу о неопубликованных сочинениях Димитрия Ростовского // IX чтения по истории и культуре Древней и Новой России: Материалы научной конференции / Ярославль 25–27 сентября 2014 года. Ярославль, 2016. С. 178–199.
28. «Апология во утление печали человека, сущаго в беде, гонении и озлоблении...»: к вопросу об авторе текста // ТОДРЛ. СПб., 2016. Т. 64. С. 121–139.
29. Драматургия святителя Димитрия Ростовского // Пятые Лихачевские чтения / Русская культура: история и экология / Ясная Поляна / 28 сентября – 1 октября 2016 года. Ясная Поляна, 2016. С. 237–246.
30. К вопросу о «Сказании о явлении и чудесах от иконы Богоматери Толгской» (Об одной «ошибке» святителя Димитрия Ростовского) // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 2017. Вып. XXII. С. 54–69.
31. «Диариуш» Димитрия Ростовского. Статья 1 // ТОДРЛ. СПб., 2017. Т. 65. С. 458–485.
32. Об источниках «Сказания о убийнии святых страстотерпцев российских князей Бориса и Глеба»: к вопросу о княжеских житиях в Четьих Минеях Димитрия Ростовского» // Русская агиография. СПб., 2017. Вып. 3. С. 406–428.
33. Гимнографические сочинения, посвященные святителю Димитрию Ростовскому // Христианская гимнография: история и современность. М. 2019. С. 256–307.

34. Проповеди Дмитрия Ростовского на память великомученицы Варвары: к вопросу изучения украинских ораторских сочинений Дмитрия Ростовского // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 2019. Вып. XXIV. С. 121–155.
35. Житие Антония Римлянина в контексте Четьих Миней Дмитрия Ростовского // Антоний Римлянин и его время. К 900-летию основания собора Рождества Богородицы Антониева монастыря (1117–1119). Материалы научной конференции, Великий Новгород, 29–31 октября 2019 г. Великий Новгород, 2020. С. 44–58.
36. Смоленская агиография в контексте Четьих Миней Дмитрия Ростовского // Авраамиевская седмица / Материалы Международной научной конференции «Чтения по истории и культуре Древней Руси в Смоленске». Смоленск, 11–13 сентября 2020 г. Смоленск, 2020. Вып. IV. С. 69–96.
37. Житие Дмитрия Ростовского, написанное Я. А. Татищевым (подгот. текста и коммент. М. А. Федотовой) // БЛДР. СПб., 2020. Т. 20. С. 97–119, 285–317.
38. «Диариуш» Дмитрия Ростовского. Статья 2 // ТОДРЛ. СПб., 2020. Т. 67. С. 553–589.
39. «Поучение на освящение церкви» Дмитрия Ростовского: Об атрибуции памятника и к вопросу о церковных имениях // Словесность и история. 2020. № 1. С. 59–80.
40. Проповеди Дмитрия Ростовского: о проекте научного издания // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археологии. К 90-летию Н. Н. Покровского. Сборник научных трудов. Новосибирск, 2020. С. 549–580.
41. «Я напрасно искал Василия Блаженного в Четьих Минях...»: А. С. Пушкин и «Книга житий святых» Дмитрия Ростовского // *Commentarii litterarum. Ad honorem viri doctissimi Valentini Golovin*. СПб., 2020. С. 9–21.
42. «Летописец о ростовских архиереях» Дмитрия Ростовского и Записка о его Житии // Словесность и история. 2021. № 1. С. 89 – 104.
43. История записи посмертных чудес Дмитрия Ростовского // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 2021. Вып. XXVI. С. 96–108.

Находятся в печати:

1. Жития русских святых в составе Четьих Миней Дмитрия Ростовского // Книжные центры Древней Руси. Ростово-Ярославская земля. СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2022. Т. 4.